

соответствующих исторических периодов, то они находятся вне основного предмета нашего анализа.

Ле Гофф, 1992: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. 376 с.

Курашов, 1995а: Курашов В. И. Экология и эсхатология // Вопр. философии. 1995. №3. С. 29–36.

Курашов, 1995б: Курашов В. И. Познание природы в интеллектуальных коллизиях научных знаний. М.: Наука, 1995. 283 с.

Курашов, 1998: Курашов В. И. *Prima Elementa* научного познания. Казань: КГТУ, 1998. 160 с.

Курашов, 1999: Курашов В. И. Философия и российская ментальность. Казань: КГТУ, 1999. 300 с.

О. О. Никитина
г. Томск

О НЕРАСТОРЖИМОМ ЕДИНСТВЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И РЕЛИГИОЗНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА

Установление постнеклассической модели науки, характеризующейся тенденцией к интеграции знаний, пересмотром концепции объективизма, постановкой социокультурной проблематики и др., обусловило изменение самого образа науки. Рациональность перестали считать синонимом науки, поэтому предполагают наличие данного компонента в других областях знания. Уже не подвергается сомнению тот факт, что процесс формирования научной картины мира имеет как внутринаучную, так и общекультурную основу. Поэтому создание научной картины мира может основываться на неявных смыслах и концептуальных образованиях, которые наука извлекает из мифологии, искусства, религии.

На современном этапе развития общества в качестве парадигмы знания безусловно выступает наука. Если основываться на анализе соотношения религиозного, художественного и научного способов мироосвоения в предшествующие эпохи, то нельзя не отметить их взаимовлияния. Осмысление существования этих традиций в XX — нач. XXI в. показывает значительное усиление данной тенденции. Подтверждением тому служат многочисленные теоретические изыскания и практические результаты отечественных и зарубежных ученых, художников и религиозных деятелей [1, 3, 6, 8, 11, 14–16]. Действительно, понимание соотношения научной и ненаучных форм познавательной деятельности в соответствии с признанием альтернативности, антиномичности и диалогичности познавательного процесса является гарантом многосторон-

него отражения реальности. Сложность и разноплановость современных гносеологических исследований, с одной стороны, подчеркивает усиление процессов дифференциации в различных подсистемах культуры, с другой — демонстрирует их взаимообусловленность, выдвигая необходимость нового понимания их корреляции.

Нам видится актуальным рассмотреть особенности взаимодействия научного познания и религиозного освоения действительности. В качестве предпосылки подобной избирательности можно выделить несколько факторов, сближающих их:

- основу новоевропейской науки составляет христианско-религиозное миропонимание;

- достижение цели в религии, как и в науке, зависит от четких критериев различения истинного от ложного, необходимости «правильного опыта» в познании;

- и в религии, и в науке возможно выявить проявления догматизма и авторитаризма;

- и в религии, и в науке содержатся элементы искусства: образы, символичность, метафоричность и др.;

- и в религии, и в науке одну из значительных гносеологических потребностей представляет осмысление проблемы «вера — знание».

Так, если осмысливать специфику религиозного познавательного акта и закономерности научного процесса, следует отметить возможность выявления некоторых аналогий между научной и религиозной верой. Например, П. Вайнгартнер [2, 91–108] находит следующие сходства между верой в науке и верой в религии:

- и в научной, и в религиозной вере содержание верования имеет нормативный характер (значимость религиозных заповедей и значимость методологических норм в науке);

- научная и религиозная вера соответствуют некоторым простым и важным логическим принципам (гипотетический силлогизм, дизъюнктивный силлогизм) и др.

Обращает на себя внимание и сходство между наличием в религиозной вере убежденности в свободную волю другого человека с его творческими возможностями и субъект-объектными отношениями в квантовой трактовке. «Первичным актом иррациональной веры является вера в свободную волю другого человека», утверждает В. В. Митюгов, отмечая тот факт, что «для субъекта... принципиально важно не иметь какой-либо возможности полностью предсказать поступки другого (объекта). Только в этом случае допустима вера в чужое субъективное творчество» [10, 58; также см. 8, 208–211].

Действительно, в христианском истолковании одним из составных элементов веры является безусловное убеждение в том, что каждый человек обладает правом свободного выбора, свободного произволения. Это подразумевает существование некой тайны в открытии для себя Другого. В подобной ситуации оказывается и физик, который не в силах предсказать состояние и будущее поведение какого-либо объекта, который исходно находился в одном квантовом состоянии, а позднее пришел в соприкосновение с другим объектом. В результате их взаимодействия состояния выше-названных объектов лишаются определенности, а исследователь не способен контролировать процесс происходящих изменений.

Безусловно то, что мы не можем отождествлять научную и религиозную веру, однако наличие у них сходных характеристик позволяет говорить о существовании так называемого феномена единой веры, координатными осями которой являются убежденность, уверенность, научная и религиозная вера. Как представляется, взаимодействие выше-названных «координатных осей» следует характеризовать по принципу дополнительности, который, с одной стороны, объясняет внутреннюю независимость каждой из них, а с другой — их внутреннюю согласованность.

Придерживаясь мнения ряда отечественных и зарубежных исследователей, возможно говорить о позитивном, дополнительном характере взаимодействия научного познания и религиозного способа мирозидения [7; 9; 12–14; 18–20]. При таком подходе вырабатывается системное, целостное мировосприятие, способствующее обогащению потенциала науки и религии, совместному решению ими локальных и глобальных проблем цивилизации.

В ХХI столетии высокий уровень научных и информационных достижений требует от человека не только качественного образования и эрудиции, но и определенного мировоззрения, опирающегося на высокие моральные принципы. Это касается как представителей политической, экономической, ученой элиты, так и обычных людей. Сегодня сложилась далеко не однозначная морально-этическая ситуация: ученые «созидают то, чего никогда не было в природе... Многие направлено во благо людей, но немало и во вред... Нельзя не признать, что физики и химики дали много доброго людям в их техническом обустройстве, но они одновременно создали термоядерное оружие или сотворили отравляющие вещества. Микробиологи «защищают» людей от вредоносных микроорганизмов и создают страшное бактериологическое оружие. Этот процесс нельзя пресечь, но можно и нужно его «морализировать» [16, 59–60].

И действительно, если поставить на повестку дня вопросы о допустимости эвтаназии, аборт, различных «технологий» деторождения (клонирования, искусственного осеменения и пр.), то станет понятным то, что без обращения к этическому осмыслению вышеперечисленных проблем их невозможно решить безболезненно. В этом случае видится целесообразным говорить об актуальности взаимодействия ученых и религиозных деятелей.

Научное познание начиная с новоевропейского периода было нацелено на смелое экспериментальное исследование объектов окружающего мира, при котором зачастую не обращалось внимания на ошибки. Из теории познания элиминировали перациональные элементы, исключили все нестандартное и алогическое. Подобная формализация привела к сциентизму. В сферу современной науки включены сложные саморазвивающиеся и самоорганизующиеся системы, подход к познанию которых требует пересмотра взаимодействия рационального и интуитивного, поскольку для исследования вышеперечисленных систем уже недостаточно одних рациональных методов. Следовательно, теоретическое или экспериментальное познание должно стать бытийно-осмысляющим.

Издревле существовали морально-этические учения религиозного характера, которые определяли правила поведения личности, предписывали ей бороться со злом и утверждали, что человеческую жизнь необходимо рассматривать в качестве бесценного дара Бога человеку. Следовательно, жизнь человека «...уже не есть только его жизнь. Человек лишь получил ее в свое распоряжение. Он может распоряжаться жизнью, но в определенных пределах... В этом смысле жизнь всегда задана, она имеет заданный объем информации, который, в свою очередь, имеет свои разрешающие возможности» [4, 103].

При подобном подходе, познающий субъект будет табуировать любые исследования, связанные с посягательством на жизнь. Так, в частности, проблемы эвтаназии и абортов будут решены для него однозначно. И данное решение не представляется способом торможения научного прогресса, поскольку прогресс технический есть стремление к тупику без нравственного прогресса. Осуществление последнего видится возможным исключительно посредством религиозно-философского осмысления проблем бытия, человека, границ и возможностей его познания. Отсюда следует вывод о необходимости влияния религиозного мировидения на научные способы познавательной деятельности, неизбежности признания антиномического характера окружающей нас действительности и нашей ментальности. Таким образом, вера и религия пересторжимо

связаны со знанием и наукой, а безрелигиозность ведет к аморализму, который обуславливает лже-, псевдо- и околонаучные тенденции, к сожалению, присутствующие в современной науке.

1. Бергер Л. Г. Пространственный образ мира (парадигма познания) в структуре художественного стиля // *Вопр. философии*. 1994. № 4. С. 114–128.
2. Вайнгартнер П. Сходство и различие между научной и религиозной верой // *Там же*. 1996. № 5. С. 91–108.
3. Девятова С. В. Влияние науки на религиозное восприятие мира // *Философия и методология науки*. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 78–102.
4. Ермаков С. А. Проблемы человеческого бытия в святоотеческой мысли // *Филос. науки*. № 8. 2004. С. 101–115.
5. Игумен Вениамин (Новик). Богословие и наука: противостояние или взаимодополнение? // www.xlib.narod.ru
6. Корочкин Л. И. О роли науки и религии в формировании мировоззренческой парадигмы. Эскурс в биологию // www.edu.nsu.ru/atheism/duluman/shevelev.htm
7. Кутюлин С. А. Стяжание Духа (идея апофатического богословия) – как интуиция менталитета. Новосибирск: Chem. Lab. NCD, 2002. 156 с.
8. Лекторский В. А. О некоторых вариантах соединения религии и научного знания (проекты христианской физики и христианской психологии) // *Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления*. СПб.: РХГИ, 1999. С. 208–211.
9. Мень А. Никео-Царьградский символ. Беседа первая // *Мировая духовная культура* / Сост. А. Белагин. Нижний Новгород, 1995. См.: www.alexandermen.ru/books/md...
10. Митюгов В. В. Познание и вера // *Вопр. философии*. 1996. № 6. С. 54–65.
11. Планк М. Религия и естествознание // *Там же*. 1990. № 8. С. 28–36.
12. Полкинхорн Дж. Вера глазами физика: богословские заметки мыслителя «снизу вверх». М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2000. 228 с.
13. Рестиво С. Параллели между физикой и мистикой // *Знание – сила*. 1993. № 8. С. 2–7.
14. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Дух, душа и тело. Ростов н/Д.: Троицкое слово, 2001. 292 с.
15. Сухотин А. К. Научно-художественные пересечения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 6–67.
16. Фейнберг Е. Л. Наука, искусство и религия // *Вопр. философии*. 1997. № 7. С. 54–62.
17. Хрусталеv Ю. М. Философско-этический характер медицины // *Филос. науки*. № 8. 2004. С. 58–84.
18. Чаиркин А. С. Проблема человека в аспекте взаимодополнительности научного и вненаучного познания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 1996. 17 с.
19. Bube R. H. Putting it all together: seven patterns for relating Science and Christian faith. Lanham, N. Y.: University Press of America, 1995. 224 p.
20. Winder C. G. Essay 1. Science and Christianity: the positive attitude // www.publish.uwo.ca/~cwinder/logan/